

Е.В. Бодрова, В.В. Калинов

СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ РАН В УСЛОВИЯХ ЛИБЕРАЛЬНЫХ РЕФОРМ 1990-х гг.

На основе опубликованных и архивных материалов исследуется проблема разработки концептуальных основ реорганизации Сибирского Отделения РАН накануне распада СССР и в условиях либеральных реформ 1990-х гг. Изученные документы позволили сформулировать и обосновать вывод о том, что проведенная реструктуризация Отделения, изменение принципов и форм его деятельности в 1990-е гг. явились примером адаптации отдельных научных организаций страны к тяжелейшим условиям развивающегося кризиса.

Ключевые слова: Сибирское отделение РАН; либеральные реформы; кризис.

Необходимость разработки научно обоснованной государственной научно-технической политики и оптимизации управления научно-техническим комплексом страны в условиях глобальных вызовов не вызывает сомнений. В настоящее время не представляется возможным повторение прежних просчетов. Это требует глубокого изучения и переосмысления проблемы реорганизации научной сферы в контексте либеральных реформ 1990-х гг. Отдельные сюжеты этой весьма актуальной темы рассматривались нами в ряде публикаций [1, 2], однако изучение новых архивных и опубликованных документов и материалов дает возможность глубже изучить вопросы, связанные с ситуацией, сложившейся в Сибирском отделении РАН в исследуемый период, оценить роль академика В.А. Коптюга в продолжение его деятельности в режиме выживания отечественной фундаментальной науки.

По большей части негативные оценки содержатся в современных научных публикациях, посвященных анализу реализуемых в 1990-е гг. реформ. В трудах М.И. Кодина, Г.В. Осипова, Н.Н. Разуваевой [3–5] и других авторов рассматривались такие вопросы, как итоги избранного варианта социально-экономической модернизации, обвала высокотехнологичных отраслей производства, «утечки умов»; результаты резкого социального расслоения общества, обусловленные номенклатурной приватизацией, взаимоотношениями власти и бизнеса. Однако проблема эволюции научно-технического комплекса страны в контексте либеральных реформ 1990-х гг., предпринимаемых попыток реорганизации Российской академии наук и их последствий нуждается в более глубоком изучении.

Проведенные нами исследования позволяют утверждать, что попытки реструктуризации АН СССР принимались еще до распада страны [6]. Так, главой Сибирского отделения, академиком В.А. Коптюгом активно поддерживались предложения о создании АН РСФСР в связи, по его словам, с необходимостью «решения проблем правового статуса РСФСР и ее национально-государственного устройства» [7. С. 2–3]. Одновременно академик полагал правомерным существование и АН СССР, но при изменении ее роли и структуры. В качестве главного принципа формирования АН РСФСР им выдвигался принцип региональный, создаваемая академия должна была быть ориентирована на решение, прежде всего, специфичных проблем РСФСР. [7. С. 2–3]. В 1990 г. рабочая группа, созданная Комис-

сией на науке и технике Верховного Совета РСФСР и возглавляемая В.А. Коптюгом, в итоге острейших дискуссий выработала компромиссный вариант: на первом этапе создание Академии наук РСФСР планировалось без институтов. Предполагалось, что создаваемая академия будет опираться на Уральское, Сибирское и Дальневосточное отделения АН СССР, вузовскую и отраслевую науку РСФСР. Особый интерес в этом проекте представлял предложенный принцип объединения и деятельности Академии: методы не административные, а целевого финансирования на конкурсной основе через научно-исследовательские программы, проекты. В числе важнейших задач была обозначена интеграция академической, вузовской и отраслевой науки. Российская академия наук должна была принимать самое активное участие в выработке единой экономической, научно-технической, экологической, социальной и культурной политики РСФСР. Одновременно предполагалось создание региональных научно-координационных советов, прообразом которых должен был стать Научный совет по комплексной научно-исследовательской программе «Сибирь», действующий при Сибирском отделении АН СССР. Региональные советы должны были составить первый уровень в структуре новой академии, научные советы, объединяющие членов-учредителей и членов Академии соответствующих специальностей при высшем органе – Общем собрании, – второй уровень [8. С. 2–3]. Верховным Советом и Советом министров РСФСР были приняты соответствующие решения [9, 10], но затем новой сессией Верховного Совета отменены. В разработанной новой концепции Академии наук РСФСР отводилась «роль самого авторитетного в республике консультационного и рекомендательного совета» при Правительстве и Верховном Совете РСФСР. Против подобного полхода В.А. Коптюг возражал [11. С. 4–5].

Дальнейшие события, связанные с организацией Российской академией наук, вписывались в процесс обострившейся борьбы за власть и собственность между центральной и российской властью. Особой остроты дискуссии достигли на заседаниях Президиума РАН, на которых, по подсчетам И.Н. Ильиной, этот вопрос рассматривался около 25 раз [12. С. 41]. Суть споров, признавая весь цинизм подобной постановки вопроса, озвучил на заседании Президиума В.В. Журкин: «Нам надо определиться, кому нам принадлежать» [13. Л. 38]. На фоне развития ситуа-

ции, сложившейся в 1991 г. в катастрофическую, прежде всего, из-за тяжелейшего финансового положения, большей частью российских ученых предлагалась трансформация АН СССР в Российскую академию наук [14. Л. 75]. Ряд институтов Сибирского отделения АН СССР заложили свои здания, над ними нависла угроза покупки кооперативами [15. Л. 65]. 17 сентября 1991 г. на заседании Президиума АН СССР было единогласно принято решение о сохранении единства АН и возвращении ей названия и статуса Российской Академии наук с вынесением вопроса на Общее собрание, которое и подтвердило это решение [16. С. 121–124]. Рубежным документом в истории Академии наук явился Указ Президента РСФСР о создании РАН от 21 ноября 1991 г. [17].

Последний Президент АН СССР Г.И. Марчук в этой ситуации полагал, что «бездумно экспериментировать, радикально трансформировать» Академию было недальновидно, а с точки зрения долговременных национальных интересов – глубоко ошибочно: «Живой, хотя, быть может, и больной организм приносят в жертву фантому демократии, понятию, которое и объяснить-то толком не могут... Здесь нет не только ни капли действительной критики, но даже и концептуальной пропаганды, а есть только стремление расколоть общество максимально простыми и грубыми приемами» [18. С. 131]. Академик признавал, что ему, его сторонникам не хватило пронизательности, умения и твердости: «Мы были слишком зависимы от власти, верили в ее благие намерения и понимание национальных задач. Потомки предъявят нам за это справедливый счет и будут правы» [18. С. 132].

Жизнедеятельность РАН в целом, его Сибирского отделения в 1990-е гг. доказала, что часть научного сообщества, к сожалению, весьма прозорливо оценивала разворачивающиеся в тот период события. Так, изученные нами архивные документы позволяют утверждать, что к середине 90-х гг. в результате реализации либеральных реформ, развивающегося кризиса и курса на свертывание, согласно характеристике министра по науке и научно-технической политике Б.Г. Салтыкова, «избыточной» научной сферы [19] отраслевая наука развалилась, фундаментальная – пребывала в коматозном состоянии. Изученные нами документы подтверждают, что руководству РАН всех уровней приходилось лавировать и бороться за каждую копейку, за каждую льготу, чтобы продолжать исследования, выдавать сотрудникам хотя бы часть заработной платы. Президент Ю.С. Осипов объяснял и академикам, и представителям власти, что жила и работала Академия наук благодаря накопленному за счет исторического запаса прочности, которым она располагала. Но к середине 90-х гг., утверждал он, «мы подошли к той ситуации, что если сейчас качественные изменения не произойдут, то мы просто начнем стремительно разваливаться» [20. Л. 28].

Действительный член РАН по Отделению биохимии, биофизики и химии физиологически активных соединений, директор Новосибирского института органической химии, советник Президиума РАН Д.Г. Кнорре в связи с этим напоминал об упреках со стороны чиновников в ответ на просьбу о закупке оборудова-

ния для экспериментов в то время, как учителя Костромской области не получают заработную плату. Его пояснение и этих просьб, и этого феноменального явления – «денег нет, а достижения есть» – многое объясняет тем, кто далек от науки: «Настоящие ученые – это категория людей, которые не могут не работать. Даже если будет ремонтироваться здание, не будет отапливаться...» [20. Л. 29].

В 1996 г. В.А. Коптюг в одном из интервью, отвечая на вопрос о том, что происходит с российской наукой, сказал: «С российской наукой произошло то же, что и со всей страной, в частности, с ее хозяйственно-промышленным комплексом» [21. С. 79].

Руководитель Сибирского отделения РАН В.А. Коптюг – несомненно, одна из самых ярких фигур тех лет. Советский и российский учёный, специалист в области теплофизики и физической гидродинамики, академик РАН В.Е. Накоряков писал о необходимости переосмысления роли В.А. Коптюга в этот самый сложный период, когда «наука, как и вся страна, висела над пропастью из-за пресловутой “шокоterapiи”, когда становилось все яснее, что интеллектуально и нравственно третий по счету председатель Сибирского отделения Академии наук был выше своего окружения: “Он был одним из самых интересных собеседников, каких я где-либо встречал. Никогда не “пустословил”. Все, что говорил, было искренне, выверено и выстрадано» [22].

Коллеги вспоминают о том, что он был лишен честолюбия. Но был трудолюбом. Поражает его энергия: он был не только главой Сибирского отделения и вице-президентом Российской Академии наук, но еще и главным редактором престижного химического журнала, вице-президентом, а потом президентом ИЮПАК – Международного союза по теоретической и прикладной химии, вице-президентом Международного научного комитета по проблемам окружающей среды, членом трех-четырех зарубежных академий, Героем Социалистического Труда, лауреатом международной премии имени Карпинского и Ленинской премии. Благодаря ему Академгородок долго жил относительно благополучно даже в период «великих» перемен. Он был и оставался коммунистом, был бескомпромиссен и бесстрашно прям, а потому его речи раздражали власть, рекомендации игнорировались.

В газете «Советская Сибирь» за 13 августа 1993 г. ученый писал: «Признанная на перспективу безальтернативной для разумной части человечества модель устойчивого развития, по существу, возрождает идею конвергенции социалистической и капиталистической систем, то есть идею использования наиболее сильных сторон каждой из этих двух систем». Он боролся за реализацию этой концепции, выступал с докладами и писал статьи, участвовал в конференции в Рио-де-Жанейро по этой проблеме. Организация Объединенных Наций рекомендовала всем правительствам адаптировать идеологию устойчивого развития к условиям своих стран и разработать национальные стратегии перехода к подобному сосуществованию. Только в России долго ничего не упоминалось ни о конференции ООН, ни о концепции устойчивого развития.

В.Е. Накоряков писал: «Коптюг не допускал и мысли о насильственном общественном эксперименте. Не представлял общество устойчивого развития без научно-технического прогресса... Не раз говорил и о том, что Россия по своему менталитету, по преимуществам, дарованная самой природой (богатству полезных ископаемых, обширности “экологически чистых” территорий), имела шанс раньше и легче других перейти к устойчивому развитию. Если бы не оступилась на пороге XXI века и не была отброшена усилиями либерал-реформаторов в далекое прошлое, в эпоху дикого первоначального накопления капитала. Его мнение: случившееся с Россией – трагедия не только для нашей страны, которой вряд ли удастся осуществить еще одну перестройку, “а возможно, и не будет дозволено”. И весь мир, скорее всего, скатится к “новому мировому порядку” – господству “избранных” над неполноценными, то есть развитых стран над всеми остальными...» Осенью 1996 г. во время встречи со студентами НГУ В.А. Коптюг сказал, что больше не будет заниматься реализацией этой концепции, по крайней мере, в ближайшее время: «Сейчас надо думать о том, как вытащить страну из пропасти». Он старался делать все сам, его не интересовали традиционные “радости” жизни, он не заботился о здоровье и умер внезапно зимой 1997 года...» [22].

Без всякого сомнения, наследие В.А. Коптюга и он сам как ученый, организатор науки и страстно увлеченный проповедник новой концепции развития человечества достойны большого количества серьезных исследований. Мы же попытаемся коротко изложить свое понимание сути и результатов попыток реорганизаций в Сибирском отделении РАН в контексте проводимых реформ, анализируя его статьи, архивные и опубликованные документы.

Отчасти академику в начале 1990-х гг. удалось реализовать задуманное еще в ходе работы над концепцией создания АН РСФСР. Общее собрание Сибирского отделения РАН было превращено в двухпалатный форум. Основная палата – академики и члены-корреспонденты. Вторая палата представляла собой палату из представителей институтов – с абсолютно теми же правами, что и у членов первой палаты и равную ей по численности (около 100 чел.). Ученые советы институтов выбирали своих представителей в Общее собрание Отделения, советуясь с коллективами. Решение считалось принятым, если оно было одобрено обеими «палатами». Причем, согласно воспоминаниям В.А. Коптюга, результаты голосования двух «палат» более чем на 3–5% в эти годы не отличались. Подобным образом удалось предотвратить попытки раскола научного сообщества. В.А. Коптюг с пониманием относился к сдаче площадей в аренду, но требовал «прозрачности», всемерно поддерживал развитие контрактной системы, которую, наряду с рейтинговой оценкой институтов и научных работников, стало развивать Отделение, так как это позволяло повышать эффективность работы, несло в себе взаимную ответственность. Он выступал против того, чтобы положить рейтинговую оценку в основу перераспределения получаемого бюджетного финансирования, полагая, что это путь к медленному «отмиранию» части институ-

тов. СО РАН пошло по пути перераспределения сильных кадров институтов, оказавшихся в опасной зоне, между институтами, которые работали на должном уровне, закрыв часть институтов, выживание которых как научных коллективов было сомнительно. В условиях сокращения базового бюджетного финансирования Отделения к началу 1996 г. численность работающих сократилась с 54 тыс. до 38 тыс. Поэтому было решено реорганизовываться с концентрацией сил на наиболее значимых и финансово обеспеченных направлениях работ.

В качестве механизма перераспределения средств в большинстве институтов использовались специальные счета, на которые «зачислялась» приходившаяся на конкретное подразделение доля получаемого институтом базового бюджетного финансирования, а также те средства, которые подразделение получало по грантам различных фондов, по государственным научно-техническим программам, по контрактам с зарубежными компаниями и т.д. Дирекция из всех поступлений удерживала в централизованный фонд института согласованную долю (от 10 до 30% по разным институтам). Каждое подразделение знало, в каком финансовом состоянии оно находится. При временных финансовых провалах подразделение кредитовалось из централизованного фонда. Но если долг подразделения достигал размера трех-четырех месячных сумм заработной платы, перед заведующим ставился вопрос о сокращении численности подразделения. Руководство институтов пыталось трудоустроить людей в других подразделениях, находящихся в более благоприятном финансовом положении. Если это были квалифицированные сотрудники, то вопрос обычно решался положительно. Варианты перевода сотрудников на неполную рабочую неделю или длительные неоплачиваемые отпуска большинство институтов СО считало малопривлекательной формой, но иногда использовалась и она [21. С. 79].

Представляет интерес, что с директором института после его избрания на эту должность Общим собранием Отделения Президиум СО РАН заключал контракт, предусматривающий, как это принято в рамках контрактной системы, определенное поощрение за эффективную работу. В контракте был пункт, предусматривающий необходимость консультации с Президиумом Отделения о возможности вхождения в качестве физического лица в акционерное общество или в любую другую коммерческую предпринимательскую структуру, деятельность которой по своему характеру пересекается с тематикой основной деятельности института. Кроме того, Президиум СО РАН принял специальное постановление, согласно которому директор в течение четырех месяцев суммарно за год находящийся за границей, должен был подать в отставку.

Смелость, аналитический ум и точность в определении В.А. Коптюга позволяют нам с доверием относиться к его наблюдениям. В качестве главной опасности для науки академик определял идущую быстрыми темпами внутреннюю деструкцию коллективов, и, как ему представлялось, в Москве этот процесс шел более быстрыми темпами, чем в регионах. Особенно это проявлялось при создании в институтах коммерче-

ских структур. Так, в одном из специальных конструкторско-технологических бюро, опираясь на разработки головного института, была отработана технология и налажено производство синтетических изумрудов. Руководитель СКТБ, заведующий лабораторией и еще несколько человек создали «независимую» коммерческую структуру по их реализации. Изумруды производились на оборудовании этой организации силами ее сотрудников и продавались по «сходной» цене упомянутой структуре, которая размещалась в том же здании, а она реализовывала товарную продукцию по реальной рыночной стоимости. Директор был освобожден от занимаемой должности, и многие сумели осознать, что есть во всем определенные границы.

В одном из интервью, отвечая на вопрос, не рушилась ли наука до такого уровня, что она уже невозможна, В.А. Коптюг констатировал, что положение академических институтов в европейской части страны «крайне тревожно», но крупные научные школы, являющиеся стержнем многих институтов, полагал он, должны были выстоять. Однако в отношении отраслевой науки его прогнозы были пессимистичны: «Ее разгром слишком велик в связи с углублением системного кризиса экономики и производства в стране. От нее фактически остались лишь отдельные островки бывшей могучей системы, существование которых поддерживается, в частности, в рамках государственных научных центров. Для ее серьезного восстановления в новых формах после преодоления кризиса производства, скорее всего, потребуются значительно большие сроки, причем серьезной опорой для такого восстановления должна будет стать значительно более тесная интеграция с академической и вузовской наукой» [21. С. 86].

Что же касается сибирского академического сообщества, то, по его мнению, самый угрожающий период начал складываться начиная с декабря 1995 г., критическая точка должна была приходиться на зиму 1997 г.: «Если мы ее переживем, то сможем жить и дальше». Причина этой критичности, по его мнению, состояла в том, что на семикратное сокращение выделяемого бюджетного финансирования наложилось дополнительное двукратное сокращение в 1996 г. Мобилизация внутренних возможностей для закрытия образовавшихся дыр за месяцы была уже невозможна, так как все то, что можно было сделать, уже было сделано для адаптации институтов Отделения к сложившимся труднейшим условиям: расширение международного партнерства и создание сети международных исследовательских центров; активное вовлечение институтов в целевые государственные программы и взаимодействие с фондами поддержки науки; создание совместных предприятий с зарубежными партнерами и формирование элементов технопарковых зон; развитие производственно-реализационной деятельности и т.д. Он справедливо полагал, что невозможно было позволить погибнуть оправляющемуся после «шоковой терапии» организму, это было, по его словам, равносильно преступлению.

В.А. Коптюг определял в качестве важнейшей для СО РАН проблему омоложения кадрового потенциа-

ла. Институты стремились всячески поддержать молодые кадры путем введения дополнительной оплаты, специальных стипендий, премий имени выдающихся ученых – основателей Сибирского отделения. Материально поощрялась защита диссертаций. Но главной задачей являлась жилищная. Ее решение в условиях отсутствия финансирования заключалось в следующем: средства из фондов развития институтов (у которых они были) складывались с резервами Президиума СО РАН, и на них строились квартиры арендного фонда, которые в дальнейшем находились в совместной собственности – Президиума и института. Второй возможностью явилось высвобождение жилых помещений, занятых различными службами. Например, в Новосибирском научном центре в фонд арендного жилья была передана гостиница, в итоге в фонде оказалось более ста квартир. Но, конечно же, проблема омоложения кадров в исследовательских институтах могла быть решена только в случае, говорил В.А. Коптюг, если государство действительно будет думать о науке и будущем России.

Академика очень обнадеживала наметившаяся тенденция возврата научных кадров в Сибирь. Им были названы следующие причины: западный менталитет и характер взаимоотношений между людьми трудно сопрягались с характером традиций и воспитания россиян; многие приходили к выводу, что специалисты западных школ «узковаты» в профессиональном отношении, не привыкли к мультидисциплинарному подходу при решении крупных проблем; в силу неразвитости сферы научно-технических услуг наши специалисты привыкли ремонтировать все приборы и установки сами, а их начинали бесплатно эксплуатировать; у большинства соотечественников, работающих за рубежом, заработная плата не обеспечивала возможность получения образования детьми в зарубежных университетах. Поэтому они, по крайней мере, за год до окончания ребенком школы, старались возвратиться назад, родители осознавали, что их ребенок ни в один приличный российский вуз не поступит, поскольку в этих школах естественно-научные дисциплины преподавались очень слабо [21. С. 79–86].

В декабре 1996 г. в другом интервью академик В.А. Коптюг был вынужден сказать: «Оптимизма не питаю: ясно, что, пока не начнется подъем экономики, надеяться на оздоровление науки трудно. Можно и нужно, конечно, воевать за какие-то проценты, но отщипывать их приходится от такого валового национального продукта, которого буквально всем не хватает для развития» [23]. Его оптимизм гасило и другое обстоятельство: законы не выполнялись, в том числе и закон о бюджете. Он напоминал, что на власть подействовали, в частности, голодовка академика РАН В.Н. Страхова, протесты коллективов многих институтов – в результате Академии наук выплатили зарплату по октябрю. Но, полагал он, «вполне можно ожидать нового ослабления памяти у власти. Воевать за предусмотренное бюджетом надо непрерывно, но нельзя не понимать, что этого слишком мало, чтобы наука могла приподняться с колен. Ей не следует надеяться в ближайшее время на серьезную финансовую поддержку государства» [23]. Академик считал,

что в создавшихся условиях единственный выход – подталкивать институты к росту объема прикладных работ. Но соглашался одновременно и с теми, кто полагал, что чрезмерный перекоп в сторону прикладных работ таил в себе и опасности для фундаментальной науки. Тем не менее важно было обеспечить связку фундаментальные исследования – конструкторско-технологическая проработка – внедрение. Это позволило бы развивать, хотя в создавшихся условиях и медленно, реализационный путь, должны были появиться своеобразные научно-промышленные компании, что обеспечило бы столь необходимую интеграцию науки и производства.

В.А. Коптюга очень беспокоило желание чиновников ликвидировать финансирование региональных отделений из федерального бюджета «отдельной строкой». При таком решении, предупреждал он, финансирование научных центров отделения будет осуществляться прямо из Москвы, а Сибирское отделение РАН рассыплется на отдельные научные центры, местные бюджеты не будут принимать участия в финансировании. Координирующие возможности президиума СО РАН будут быстро ослабевать. И вновь академик выходил в своих рассуждениях на более широкие обобщения: «Научное сообщество – это часть общества. А дезинтеграция общества, благодаря усилиям “перестройщиков”, идет у нас бешеными темпами. Дезинтеграция сопровождается деградацией». В.А. Коптюг при этом ссылался на данные ВЦИОМ об изменениях ценностной ориентации россиян. В 80-е гг. они распределялись так: семья, коллектив, интересная работа. В 90-е гг. ценностные ориентации претерпели принципиальные изменения: семья, собственные интересы, деньги. Главным для жизненного успеха стал не личный трудовой вклад, а, согласно опросу общественного мнения, наличие знакомств и связей, высокое положение родителей, спекуляция, финансовые махинации. Надежда на то, что либерализация экономики повысит трудовую активность и улучшит отношение к труду, не оправдалась [23].

Действительно, различные социологические данные подтверждают выводы ученого. Они свидетельствовали о том, что к началу XXI в. подсистема массового сознания все в большей степени стала концентрироваться вокруг денег, стабильности, выживания – некоего ядра референтных понятий [24. С. 60]. Значительная часть исследователей фиксировали крушение, казалось бы, незыблемых ценностей отечественной научно-технической интеллигенции. Но ценность интересной, творческой работы в первое десятилетие XXI в. стала возрастать в условиях, когда речь перестала идти о физическом выживании. В 2003 г. число людей, считающих интересную работу важнее материального благополучия, возросло до 52,3% [25. С. 490]. Молодежь в числе базовых ценностных ориентаций, казалось бы, выделяла стремление к получению высшего образования [26. С. 34–35], но социологические опросы, проведенные в технических вузах в 2007 г., говорили о том, что для студентов важнее был статус, который обеспечивал диплом о высшем образовании, но не знания, квали-

фикация. Участвовавшие в 2007 г. в социологическом опросе студенты ряда вузов Москвы и Санкт-Петербурга среди наиболее значимых критериев профессионального выбора и трудовой деятельности назвали «высокий заработок» – 80%; «хорошие условия труда» – 47%; «перспективы профессионального роста» – 35%; «дружный, сплоченный коллектив» – 30%; «творческий характер, разнообразие работы» – 28,6%; «возможность продвижения по служебной лестнице» – 19,9% [27. С. 510].

Таким образом, последствия трансформации общественного сознания россиян в 90-е гг. печальны, но прогнозировались научным сообществом.

Важным негативным фактором, разрушающим атмосферу не только созидания в научных организациях, но и весьма специфического образа жизни в академгородках, явилось постепенное разрушение инфраструктуры научной сферы в годы реформ. Ярким примером стал новосибирский Академгородок. Невозможность ее содержать обусловила необходимость передачи городу электроэнергетической системы Академгородка. Бывший жилой комплекс «Сибакadem-строя», жилой комплекс Института прикладной физики, дома Новосибирского высшего общеобразовательного командного училища были не в состоянии заплатить полностью за электричество управлению электрических и тепловых сетей – организации СО РАН, и все штрафы, пени и санкции за неуплату адресовались ей. Между тем Академгородки (в отличие от наукоградов – отраслевых, а следовательно, преимущественно однопрофильных центров науки и масштабного высокотехнологического производства) – это мультидисциплинарные, комплексные научные центры с конструкторско-технологической базой и малыми реализационными предприятиями, прокладывающими путь научным разработкам в большую промышленность. Академгородки призваны были стать основными ячейками столь необходимой до сих пор стране национальной инновационной системы. Заметим в этой связи, что в литературе сложилось два подхода к их рассмотрению: как комплексных или многопрофильных наукоградов, занимающихся теоретическими и прикладными исследованиями, либо как особого типа территорий с градообразующими научно-производственными комплексами. Сторонница второго подхода, исследователь И.В. Макеева выделяет следующие академгородки: Иркутского НЦ РАН (Иркутская область); Красноярского НЦ РАН (Красноярский край); Новосибирского НЦ РАН (Новосибирская область); Томского НЦ РАН (Томская область); Кольского НЦ РАН (Апатиты, Мурманская область) [28].

В Новосибирском Академгородке в 1990-е гг. с целью самосохранения получили активное развитие прикладные направления, дающие возможность реализовывать полученные результаты в коммерческих работах. Однако за редким исключением промышленность страны была не в состоянии даже задумываться об инновационной активности, внедрении новых технологических разработок, модернизации. Государство для этого не создавало условий. В итоге многое производилось в убыток. Так, в Объединенном институте геологии, геофизики и минералогии

СО РАН под руководством Н.А. Добрецова действовало два совместных предприятия с зарубежными фирмами. Одно – по высокотехнологичному производству дорогих синтетических изумрудов и других полудрагоценных камней. Второе предприятие выпускало малогабаритные, суперчувствительные хроматографы, которые, смонтированные в бронетехнику, позволяли определить пластиковые мины на полметра под землей. Но от армии заказов в то время дождался было сложно, они поступали от таможенных пунктов для обнаружения взрывчатки и наркотиков. Чем-то иным заработать было в высшей степени трудно: все уходило на налоги и транспорт [23].

Таким образом, Сибирскому отделению РАН удалось выживать за счет проведенной реструктуризации, совместных предприятий, зарубежных грантов, поддержки Российского фонда фундаментальных исследований. Институты научились зарабатывать сами и выживали вместе. Например, Институт ядерной физики зарабатывал три четверти своего бюджета за счет техники промышленного характера, в том числе ускорителей. Продукция была востребована во всем мире. В одном из последних интервью, опубликованном в январе 1997 г., В.А. Коптюг рассказывал о новых планах Сибирского отделения: «Нам удалось, несмотря на сокращение бюджетного финансирования, удержать Сибирское отделение как систему. У нас около 100 институтов, нужно вместе выживать. Наша сила – в маневренности. У нас многие институты структурно подстроены под нынешнюю жизнь. А теперь еще надо перестроить сеть институтов. Что способно выжить, а что не способно. Лучше эти средства перебросить на те институты, которые адаптировались к современным условиям» [29. С. 333–338].

Однако, рассуждая о перспективных и энергичных планах, он с грустью в связи с этим вспомнил о «глобальной проблеме – социальном диспаритете»: «В Москве не очень ощущают, как живут люди на периферии. А живут они вообще страшно: у людей все уходит на питание. Никакой новой бытовой техники, никаких излишеств. Общество раздавлено морально! Возьмем последние выборы по Новосибирской области. В сельских районах 2/3 голосов было отдано за ЛДПР! Такого никогда здесь не бывало! Ни одного предпринимателя люди не пропустили в Думу! Народ осатанел, стал жаждать сильной власти и порядка. Если бы Борису Николаевичу докладывали то, что есть на самом деле, я думаю, что он бы вел себя по-другому... Следующие беды предельно ясны: коррупция и преступность. Переход к варианту копирования Запада и попытка ввести дикий рынок – это глупость, которая иначе, как катастрофой, кончиться не может. Я недавно был в Китае на встрече лидеров науки и технологии Азиатско-Тихоокеанского региона. В центральной части Китая не был пять лет. Сейчас же я был просто потрясен изменениями. Разумная линия введения рыночных отношений и подъем производительности труда плюс управляемый процесс дали свои результаты» [29. С. 333–338].

Академик пытался разобраться в причинах просчетов и называл такие, как непонимание, что в России большинство товаров будет дороже (даже при той

же производительности труда), чем в других странах, из-за климата, расстояний, увеличивающих себестоимость производства. Конкурировать возможно лишь на рынке высокотехнологичной продукции. Одновременно В.А. Коптюг верил в будущее страны: «Я верю в то, что Россия все-таки возродится. И возродится она через введение нормального государственного регулирования с разумными элементами рыночных отношений. Но многое придется ломать в обратную сторону» [29. С. 333–338].

В 1996 г. в письме Президенту РАН, свидетельствующем как о существовавших тогда серьезных разногласиях в руководстве Академии, так и о неверии в принимаемые постановления и решения, академики Л.И. Абалкин, В.А. Коптюг, Г.В. Осипов вынуждены были констатировать, что Российская академия наук не заняла активной позиции в определении национальной стратегии развития. Это, по их мнению, привело к тому, что основой подготовки государственных решений во многих случаях становились не фундаментальные знания, а амбиции, волонтаризм, порой и корыстные интересы. В результате в стране сложилась опасная практика, когда власть пренебрегала мнением отечественных ученых и предпочитала полагаться на мнение зарубежных экспертов и политиков.

Полагая это положение чрезвычайно опасным для страны, ученые в качестве единственно возможной стратегии для России называли стратегию, основанную на национальных интересах и социальных приоритетах с учетом ресурсных, духовных и геополитических особенностей нашей страны. Определяя рубеж 1996–1997 гг. как момент истины для Российской академии наук, академики были уверены, что от ее позиции зависит не только ее собственная судьба, но и будущее страны: «Или мы позволим воинствующему невежеству и корысти и далее тащить страну к пропасти, или займем гражданскую позицию и проявим интеллектуальное мужество в интересах российского общества, государства и самой науки». Заслуживает цитирования и глубокого уважения заключение письма: «Академическое сообщество исчерпало лимит осмысливания и анализа положения, в котором оказалось общество, Российское государство и наука, и не может больше стоять в стороне от определения путей развития страны. Пора опрометчивых экспериментов прошла, будущие поколения не простят нам бездействия и малодушия в тяжелое для нашей страны время» [30. С. 233].

В.А. Коптюг на заседании Президиума РАН в марте 1996 г., подтверждая наличие целого ряда очень значительных достижений, одновременно предупреждал: «Мы в значительной степени живем и работаем за счет того, что было создано и накоплено ранее, – за счет интеллектуального потенциала. Запас его все время сужается. За счет материальных средств – оборудования, которое стареет, и мы не можем его обновлять. За счет зданий. В прошлом году мы еще от науки что-то отщипывали, с конца прошлого года мы на капитальный ремонт ничего дать не можем. А в центрах Сибирского отделения положение усугубляется тем, что на плечах у Центра вся инфраструктура,

инженерная и социальная. И если давать деньги только на зарплату институтам... лягут крупные энергоёмкие инструменты... так у нас ляжет инфраструктура, за которой вслед завалятся институты. Институты, даже получая только зарплату, могли бы еще продолжать несколько месяцев выкручиваться, потому что вовремя все-таки были предприняты шаги по тому, чтобы двигать вперед производственно-реализационные компоненты и на этом получать какие-то дополнительные деньги для работы институтов. Но сейчас, когда мы не можем поддержать нашу инфраструктуру, и инженерную, и социальную, и когда, фактически, мы не можем дать деньги институтам на оплату энергоресурсов, они попадают... в крайне тяжелое положение». Выражая общую обеспокоенность сотрудников Сибирского отделения РАН и их желание благодарить Правительство за то, что дают зарплату, В.А. Коптюг прогнозировал, что если не будет выполняться Закон о бюджете, хотя бы так, как это было в прошлом году, катастрофа, по крайней мере, по объединенным центрам, будет неизбежна [31. Л. 119–124]. Таким образом, и Сибирское отделение РАН, как и другие отделения, к середине 90-х гг. уже не в состоянии было вписываться в рынок, жить лишь на самостоятельно заработанные деньги, которые, впрочем, и зарабатывать становилось все сложнее, так как заказов становилось все меньше.

Если в 1994 г. финансирование науки в целом составляло около 0,6% валового внутреннего продукта, то в 1995 г. оно сократилось до 0,41% ВВП [31. Л. 44]. Для более или менее нормального функционирования научной сферы необходимый объем финансирования должен был составлять не менее 2% ВВП. Если в конце 1994 г. РАН удалось получить некоторую прибавку, благодаря поддержке Государственной Думы, то весь 1995 г. руководству РАН приходилось сражаться с Минфином за бюджет 1996 г. с учетом этой прибавки. За 1995 г. по сравнению с 1994 г. средняя численность сотрудников РАН сократилась на 4,5%. С 1991 г. – на 20–21%. Нарастал процесс старения кадров – средний возраст составил 60 лет [31. Л. 45].

Руководитель СО РАН академик В.А. Коптюг упрекал «москвичей» за то, что они не представляли жизнь в регионах, а между тем, «...ситуация там жестко взрывоопасная. Народ доведен до крайности». Одновременно он настаивал на необходимости не только биться за процент от валового внутреннего продукта, выделяемого на нужды науки, но и за контроль со стороны парламента за исполнением бюджета правительством. Но требовалось, по его мнению, кардинальное изменение экономического курса, иначе РАН будет продолжать бороться за свой процент с военными, учителями, вузами. Академия обязана была, с его точки зрения, провести слушания и предложить свою стратегию развития страны, которая на тот момент переступила все возможные предельные показатели. «Мне кажется, что сейчас надо бороться, – призывал он, – надо по всем направлениям бороться» [32. Л. 29].

На встрече с журналисткой накануне своей смерти академик вновь с болью говорил о том, что происходило в те годы со страной, с наукой. Чрезвычайно

актуальны его предупреждения и рекомендации сегодня, 20 лет спустя: «В России возможности науки используются очень слабо. Наше правительство предпочитает экспериментировать с целым государством, привлекая к управлению таких не очень обремененных знаниями людей, как например, Гайдар. А мы потом удивляемся результатам такой политики... Мы в России тоже привыкли к необъятным просторам лесов, большим запасам питьевой воды, чистого воздуха, полезных ископаемых, и нам кажется, что конца им не будет. Будет! И очень скоро. Сами не отдадим – отберут...» [33. С. 3].

Он говорил и о том, что мировое сообщество складывается из ряда отдельных и очень отличающихся по существу цивилизаций. И чем устойчивее будет эта множественность, тем устойчивее будет и «мировая цивилизация». В.А. Коптюг был уверен, что российская цивилизация – одна из удачных попыток добровольного объединения народов в единое государство под защиту одного из самых развитых в духовном и культурном отношении этносов: «Она потому и так цельна, и вряд ли люди, так тяготевшие к взятой из христианства идеологии “все люди – братья” теперь откажутся от нее. Веротерпимость христианства с его уникальным тысячелетним опытом мирного сожительства православия с буддизмом, исламом, другими религиями доказала, что все народы Евразии смогли сохраниться именно благодаря ей. А вот этика эгоизма и индивидуализма не вписалась в нашу суровую природу и социокультурную действительность России. Это, видимо, и не приживется» [33. С. 3]. Но устойчивость и безопасное развитие России, был убежден он, возможны лишь в случае социально ориентированных реформ, при опоре, прежде всего, на собственный экономический и интеллектуальный потенциал, на обеспечение эффективной государственной власти в области планирования и управления социально-экономическими процессами. Причем государственный сектор экономики, объединяющий базовые отрасли, должен был, по мнению ученого, играть ведущую роль в ходе реформ. На территории России имеются все предпосылки для прорыва в будущее в рамках устойчивого развития, ее геополитическое положение выгодно, и, если народы нашей страны и бывшего СССР, предупреждал В.А. Коптюг, не воспользуются этим случаем, то последствия не только для нас, но и для всего населения планеты будут печальны, даже трагичны [33. С. 3; 34. С. 253–260].

Председатель Сибирского отделения РАН, занявший этот пост после смерти В.А. Коптюга, вице-президент Российской академии наук, академик Н.Л. Добренцов весной 1997 г., рассказывая о посещении двух больших сибирских институтов делегацией, которую возглавлял в то время вице-премьер В.Б. Булгак (в ее составе были также В.Е. Фортов, зам. министра финансов, зам. министра атомной промышленности и еще целый ряд других высоких чиновников), обратил внимание на замечание В.Б. Булгака о необходимости «вырезать аппендикс» – ненужные институты. Предложено это было осуществить к 1 октября. Пугало намерение властей привлечь к процедуре аттестации зарубежных менеджеров, которые, по словам вице-президента, стремились лишь к

одному: «Как из этого института сделать привлекательную фирму и больше ничего». Это значит для наших институтов хакири, говорил он. Таким образом, есть вещи совершенно ненормальные... есть опасные тенденции, которые в двух словах сводятся к тому, что если это превратится в кампанийшину, сделать как можно быстрее, дабы отрапортовать, что проведена реформа, это будет ужасно... Он, по-видимому, и приехал к нам, поскольку... была информация, что наши институты уже научились зарабатывать, можно Академию наук перевести на «подножный корм». В связи с этим руководитель СО РАН пояснял, что все заработанные деньги Отделением направляются в науку. Например, Институт ядерной физики зарабатывал, действительно, на продаже своих ускорителей, но направлял их исключительно на научные исследования, на создание новых экспериментальных установок, правда, денег этих все равно не хватало. Н.Л. Добренцов призывал: «Если мы будем превращать наши коллективы в фирмы и малые предприятия, которые работают ради прибыли, то это конец науке. Поэтому здесь есть опасные тенденции: раз зарабатывают, зачем вам бюджет? Но надо всячески настаивать, что те, кто зарабатывают и пускают на науку... зарабатывают, потому что бюджета не хватает» [35. Л. 111–113]. Как видим, ученые должны были еще и оправдываться... Между тем уже весной 1998 г. стало очевидно, что выделяемых Правительством средств не хватит на зарплату и на коммунальные услуги. В апреле 1998 г. учреждения Академии получили только 50% причитающейся работникам заработной платы. Расходы по коммунальным услугам были профинансированы в еще меньшей степени. Примерно такая же ситуация складывалась и в мае [36. Л. 14].

Докладывая о положении в Сибирском отделении РАН, академик Н.Л. Добренцов сообщил, что около 50% всех реорганизаций, слияний и сокращений пришлось на его Отделение. Финансирование весной 1998 г. поступало частично, в апреле было выплачено 60% зарплаты, в мае – 60%, в июне – 87%. Часть средств было направлено на коммунальные платежи, на экспедиции, на стипендии и т.п. Институты СО РАН, отличавшиеся умением зарабатывать, сумели за 5 месяцев дополнительно заработать 105 млн руб., причем большую часть этих средств составляли международные гранты и контракты. Но это удавалось сделать 5–7 институтам. После вычета налогов и отчислений из 6,2 млн, добытых от аренды, у институтов осталось всего 3,9 млн, что составляло около 4% от всех полученных денег. В 1997 г. СО РАН получило от аренды 26,2 млн. После отчисления налогов и обязательных прочих отчислений осталось в руках институтов и научных организаций 13,8 млн, что составляло 3,5% от всех полученных денег, и это, по словам академика, «стало существенной добавкой для институтов, но погоды не делало» [37. Л. 106–107].

Нехватка денег привела к огромным долгам, особенно по теплу и энергии. Институты СО РАН задолжали энергетическим организациям около 50 млн. А с учетом долгов, которые остались еще за предыдущий год и которые предъявил Минфин с требованием их оплатить за счет внебюджетных средств, эта сумма составила более 100 млн. Сложившаяся тяжелая ситуация с нехваткой

финансирования вызвала акции протеста в Новосибирске. В газетах было опубликовано открытое обращение ученых Сибирского отделения РАН, которое было подписано практически всеми членами Отделения. Кроме того, Совет межрегиональной ассоциации «Сибирское соглашение», куда входили 19 субъектов Федерации, т.е. 38 членов Совета Федерации, подписали решение, в котором значилось четыре пункта:

1. Предложить Правительству при доработке бюджета на 1999 г. не допустить снижения уровня финансирования научно-технической сферы.

2. Безусловно, выполнить в 1998 г. лимиты.

3. При доработке налогового кодекса сохранить существующий порядок налогообложения и не допустить снижения реального финансирования науки.

4. Предложить Правительству сохранить региональные отделения в качестве бюджетополучателей [37. Л. 119].

В Дальневосточном отделении РАН положение складывалось не лучше: долг по зарплате за первое полугодие составил 6,7 млн, в том числе за май 1998 г. – 3,5 млн [37. Л. 122].

Одним из самых эмоциональных на заседании Президиума РАН было выступление академика Ж.И. Алферова, который сообщил о том, что институт, где он являлся директором, знаменитый физико-технический институт имени Иоффе, уже два месяца фактически не работал, потому что был переведен на так называемое бронированное энергетическое питание. Оборудование, компьютеры, установки не работали. Институт оказался должным 7 млн за коммунальные услуги. Включить оборудование необходимо было, чтобы выполнить хотя бы международные обязательства [37. Л. 115].

Президиум РАН в этих условиях ради сохранения Академии отвергал предлагаемые профсоюзами радикальные меры: акции, протесты [38. Л. 99–100]. Но проводились и марши протеста, и ночные и длинные заседания советов профсоюзов Сибирского отделения РАН, Петербургского, Московского региона, выступающих с экономическими требованиями. Руководители РАН и профсоюзная организация выступили, несмотря на внутренние разногласия, все же с единой позицией, отстояв в очередной раз АН. Положение характеризовалось как особенно острое, как вторая попытка после 1992 г. атаки на науку и Академию наук [37. Л. 91], так как проявилось в это время стремление целого ряда представителей властных структур, позволяющих себе судить об уровне мировом или немировом отечественной науки, сократить численность научных работников, все централизовать максимально, с одной стороны, а с другой стороны, раздать и приватизировать, получив немедленно деньги в казну. В итоге руководство страны, по словам профсоюзного лидера Российской академии наук В.Н. Соболева, пытаясь разделить Академию наук на два противостоящих друг-другу лагеря, получало прямо противоположный эффект – еще большую консолидацию академического сообщества [39. Л. 81].

Почти весь 1998 г. РАН жила в условиях чрезвычайного положения, получая, причем очень нерегулярно, средства в основном лишь на заработную плату. Так называемые твердые обещания и заверения

Правительства остались невыполненными [40. С. 683; 41. Л. 19. 30]. Тем не менее Академия снова выстояла и, более того, в ряде направлений деятельности существенно развивалась. Этот феномен РАН Ю.С. Осиповым было предложено изучать историкам [41. Л. 31]. Чем, собственно, авторы данного исследования и пытаются заниматься, вполне соглашаясь с оценками Президента РАН о феноменальности явления, которое было возможным, по-видимому, только в нашей стране, с неукротимой жизнестойкостью ее народа.

В этой связи примером не только восстановления, но и активизации инновационных процессов на рубеже веков вновь явилось СО РАН. В этот период доля зарабатываемых средств там составляла более половины, т.е. больше чем бюджет, а в некоторых институтах она равнялась 80–85%. Причем все эти средства направлялись, как и ранее, на поддержку фундаментальных исследований. Например, один из лидеров – Институт ядерной физики, зарабатывающий около 15 млн долл. на контрактах и разработках, направлял их на достройку ВЭП-5 – лазера на свободных электронах. Без этих денег развитие данного института было бы невозможным. Тем не менее вопрос соотношения фундаментальных и прикладных исследований вызывал острую дискуссию на заседаниях СО РАН. Звучали опасения, что превращение институтов в научно-технологические фирмы приведет к постепенному затуханию фундаментальных исследований [39. Л. 53–54]. Весьма активной была роль СО РАН и в разработку программ, касающихся развития Сибири.

Таким образом, исследование позволило сформулировать вывод о том, что концептуальные основы реорганизации СО РАН были разработаны еще в ходе попыток создания АН РСФСР. Реструктуризация Отделения, изменение принципов и форм его деятельности в 1990-е гг. явились примером отдельных научных организаций страны адаптироваться к тяжелейшим условиям развивающегося кризиса. Но подобные меры обеспечивали лишь временный эффект, позволяли выживать. Спад производства, сокращение бюджетного финансирования, иных источников обусловили все большее разрушение научно-технического потенциала страны.

Сложно переоценить вклад академика В.А. Коптюга в сохранение фундаментальной и отраслевой науки Сибири, значимость его размышлений о глобальных проблемах и судьбе России. Однако его рекомендации, как и заключения многих ведущих ученых, правительством игнорировались, а результаты реформ не замедлили сказаться. В течение 1991–1998 гг. в 3,4 раза сократился удельный вес предприя-

тий и организаций, осуществляющих разработку и использование нововведений [42. С. 17].

Отраслевая наука развалилась. Резко сократившееся финансирование исследований повлекло за собой стремительное сокращение кадрового потенциала науки. Общее количество сотрудников РАН сократилось с 1992 до 1998 г. с 144 до 111 тыс., число научных работников – от 63 до 53 тыс. Число кандидатов наук – с 29,5 до 26 тыс., без ученой степени – с 24 до 17 тыс. Резко повысился средний возраст [43. Л. 57].

В 1992–1997 гг. расходы на науку в целом сократились в 6 раз [44]. Напомним, что в 1990 г. они составляли 5,5–6% ВВП, в 1992 г. – 1,9% [45. С. 110–114]. Такого существенного уменьшения финансовой поддержки научной деятельности не знала ни одна страна в мире. По доле расходов на науку Россия в 5–7 раз уступала передовым странам мира [46]. Во второй половине 1990-х гг. объем финансирования научного сектора не претерпел серьезных изменений.

Изученные нами архивные и опубликованные документы дают нам основание говорить, что в результате осуществления проводимой в стране политики в научно-технической сфере на рубеже XX–XXI вв. сложилась ситуация, которую в целом можно охарактеризовать как действительно катастрофическую, если сравнивать с состоянием дел в научно-техническом комплексе накануне распада СССР.

Разработчикам и проводникам либеральных реформ она представлялась таковой на рубеже 1980–1990-х гг. Но заняв отстраненную и снисходительную позицию, явно недооценивая потенциала народа, они на самом деле руководствовались осуждаемыми ими же принципами сталинских времен: «цель оправдывает средства», «лес рубят – щепки летят». России предлагались: приватизация ради поиска «эффективных менеджеров», «отверточное» производство, продажа сырья. Наука должна была лишь их обслуживать. В стране возникло коренное противоречие между назначением науки и практическим использованием ее достижений для выхода из кризиса. Проекты и рекомендации ведущих ученых в расчет не принимались. Несогласные с таким униженным положением ученые, проектировщики, специалисты уезжали за границу. Производство деградировало.

Президиуму Российской академии наук, руководствующемуся в 1990-е гг. в условиях деиндустриализации и демодернизации страны, развала отраслевой науки, принципом выживания Академии во что бы то ни стало, буквально чудом удалось обеспечить сохранение ядра фундаментальной науки, несмотря на иные приоритеты реформаторов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бодрова Е.В., Калинов В.В. Государственная экономическая политика Российской Федерации на рубеже XX–XXI вв.: спорные проблемы. М.: МАОРИ, 2016. 280 с.
2. Бодрова Е.В., Калинов В.В. Технологическое отставание как фактор распада СССР и вызов для современной России. М.: МАОРИ, 2017. 514 с.
3. Козин М.И. Теоретико-методологические проблемы социально-экономических и социально-политических преобразований в России в конце XX в. 1990–2000 гг. М., 2002. 211 с.
4. Осипов Г.В. Реформирование России: итоги и перспективы. Социальная траектория реформируемой России. Новосибирск, 1999. 49 с.
5. Разуваева Н.Н. Эволюция политического и социального строя постсоветской России: 1990-е годы. М., 2006. 626 с.
6. Бодрова Е.В. Академия наук в условиях распада СССР // Российский технологический журнал. 2018. Т. 6, № 5. С. 55–76.

7. Коптюг В.А. Быть ли Российской Академии наук: [беседа с пред. Президиума СО РАН акад. В.А. Коптюгом / вел И. Глотов] // Наука в Сибири. 1989. 22 сентября. С. 2–3.
8. Коптюг В.А. Наука компромисса: [интервью с предс. Президиума СО АН СССР, акад. В.А. Коптюгом / беседу вели В. Иваницкий, Н. Притвиц] // Наука в Сибири. 1990. № 4. С. 2–3.
9. Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 24.01.1990 «Об учреждении Академии наук Российской Федерации // Ведомости Верховного совета РСФСР. 1990. № 6. Ст. 169.
10. Постановление Совмина РСФСР от 13.03.1990 № 88 «О формировании Академии наук РСФСР». URL: <http://sssr.regnews.org/doc/vq/fw.htm> (дата обращения: 17.10.2018).
11. Коптюг В.А. С нулевого цикла: [интервью с предс. Президиума СО АН СССР, акад. В.А. Коптюгом] // Наука в Сибири. 1991. № 2. С. 4–5.
12. Ильина И.Н. Дискуссия о судьбе Академии наук в стенограммах заседаний ее президиума 1980–1990-х гг. // Отечественные архивы. 2017. № 6. С. 40–48.
13. Архив Российской академии наук (РАН). Ф. 2. Оп. 1. Д. 1686.
14. АРАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1687.
15. АРАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1688.
16. Резолюция Общего собрания Академии наук СССР 9–10.11.1991 г. «О статусе и задачах Академии наук СССР в современных условиях» // Вестник АН СССР. 1992. № 1. С. 121–124.
17. Указ Президента РСФСР от 21.11.1991 № 228 «Об организации Российской академии наук». URL: <http://legalacts.ru/doc/ukaz-prezidenta-rsfsr-ot-21111991-n-228/> (дата обращения: 19.11.2018).
18. Марчук Г.И. Прощальное слово президента // Вестник АН СССР. 1992. № 1. С. 129–235.
19. Салтыков Б. Пожертвовать частью, чтобы спасти систему // Независимая газета. Ежемесячное приложение «НГ-наука». 1997. № 2. 1 октября.
20. АРАН. Ф. 2. Оп. 31. Д. 244.
21. Что происходит с российской наукой? Беседа с генеральным директором Российского гуманитарного научного фонда, профессором Е.В. Семеновым // Коптюг В.А. Наука спасет человечество. Новосибирск: Изд-во СО РАН НИЦ ОИГТМ, 1997. С. 79–87.
22. Накоряков В.Е. «На нерве страдания» // Сибирские огни. 2001. № 4. URL: <http://www.vp-iclub.narod.ru/memo/koptyug/nakoriakov.htm> (дата обращения: 28.10.2017).
23. Коптюг В.А. Наука на переломе // Советская Сибирь. 1996. 20 декабря.
24. Жаворонков А.В. Сдвиги в массовом сознании // Резюме научных отчетов по исследовательским проектам, выполненным в рамках общепрограммной программы «Альтернативы социальных преобразований в российском обществе в 1991–1994 гг.» / РАН, Ин-т социологии. М., 1995. 160 с.
25. Горшков М.К. Российское общество в условиях трансформации: мифы и реальность (социологический анализ). 1992–2002 гг. М., 2003. С. 488–489.
26. Левашов В.К. Интеллектуальный потенциал общества: социологическое измерение и прогнозирование // Социс. 2008. № 12. С. 34–35.
27. Бодрова Е.В., Гусарова М.Н., Калинов В.В., Калинова К.В., Сергеев С.В. Государственная научно-техническая политика в модернизационной стратегии России. М.: Изд-во МосГУ, 2014. 813 с.
28. Макеева И.В. Государственная поддержка инновационного развития территорий с высокой концентрацией научно-технического потенциала: дис. ... канд. экон. наук. М., 2008. 200 с.
29. Спасти человечество может наука // Коптюг В.А. Наука спасет человечество. Новосибирск: Изд-во СО РАН НИЦ ОИГТМ, 1997. С. 333–338.
30. Письмо Президенту Российской академии наук Ю.С. Осипову // Вестник РАН. 1997. Т. 67, № 3. С. 233.
31. АРАН. Ф. 2. Оп. 31. Д. 227.
32. АРАН. Ф. 2. Оп. 31. Д. 242.
33. Бычкова И. Интервью, которое не состоялось // Наука в Сибири. 1998. № 1–2. С. 3.
34. Коптюг В.А. Выступление на слушаниях в Государственной думе 16 мая 1995 г. «О разработке государственной (национальной) стратегии устойчивого развития России» // Наука спасет человечество. Новосибирск: Издательство СО РАН НИЦ ОИГТМ, 1997. С. 253–260.
35. АРАН. Ф. 2. Оп. 31. Д. 286.
36. АРАН. Ф. 2. Оп. 31. Д. 339.
37. АРАН. Ф. 2. Оп. 31. Д. 343.
38. АРАН. Ф. 2. Оп. 31. Д. 340.
39. АРАН. Ф. 2. Оп. 31. Д. 483. Л. 81.
40. Вступительное слово президента РАН академика Ю.С. Осипова «Основные достижения РАН в 1998 году» // Вестник РАН. 1999. Т. 69, № 8. С. 683–705.
41. АРАН. Ф. 2. Оп. 31. Д. 385.
42. Пильщикова И.Ю. Институциональные риски и угрозы реализации государственной инновационной политики: дис. ... канд. полит. наук. Ростов-на-Дону, 2010. С. 17.
43. АРАН. Ф. 2. Оп. 31. Д. 387.
44. Бендиков М.А. Некоторые направления повышения эффективности российских высоких технологий // Маркетинг в России и за рубежом. URL: <http://www.cfin.ru/press/management/2000-5/01.shtml> (дата обращения: 24.04.2017).
45. Кутепова Н.И. Социальная политика в сфере НИОКР // Научное, экспертно-аналитическое и информационное обеспечение национального стратегического проектирования, инновационного и технологического развития России. М., 2009. Ч. 1. С. 110–114.
46. Независимая газета. 1998. 28 марта, 18 сентября; 1996. 1 февраля.

Статья представлена научной редакцией «История» 21 февраля 2019 г.

The Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences Under the Liberal Reforms of the 1990s

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 453, 142–153.

DOI: 10.17223/15617793/453/17

Elena V. Bodrova, Russian Technological University (Moscow, Russian Federation). E-mail: kafedra-i@yandex.ru

Vyacheslav V. Kalinov, Gubkin Russian State University of Oil and Gas (Moscow, Russian Federation). E-mail: kafedra-i@yandex.ru

Keywords: Siberian Branch of Russian Academy of Sciences; liberal reforms; crisis.

The aim of the article is to study the problem of developing the conceptual foundations of the reorganization of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (SB RAS) on the eve of the collapse of the USSR, their adjustment and implementation in the context of the liberal reforms of the 1990s. The source basis of the research was published materials, mainly articles by Academician V.A. Koptyug, the chairman of SB RAS, and documents currently stored in the funds of the Archives of the Russian Acad-

emy of Sciences. The studied documents and materials made it possible to formulate and substantiate the conclusion that the restructuring carried out by the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, as well as the change in the principles and forms of its activity in the 1990s, was undertaken by individual scientific organizations in the country to adapt to the most difficult conditions of the developing crisis. Among the new forms of activity of the SB RAS institutes were: changes in the management structure of the Branch, joint ventures, active use of foreign grants, support from the Russian Foundation for Basic Research in the framework of competitive projects, and others. The institutes of SB RAS learned to earn money and survived together, demonstrating phenomenal achievements in the most difficult conditions. At the same time, it is proved that such measures provided only a temporary effect, making it possible to survive, but the general economic crisis did not allow it to develop to its full potential. Thus, in the 1990s, for the purpose of self-preservation, the researchers of Novosibirsk Akademgorodok actively developed applied areas making it possible to commercialize the obtained results. However, with rare exceptions, the country's industry was not capable of any innovative activity or even planning to introduce new technological developments and modernization. The state had not created conditions for these. In the end, much was produced at a loss. The decline in production, the reduction of budget financing, as well as funding from other sources, caused an increasing destruction of the country's scientific and technological potential with each passing year. The study made it possible to identify the outstanding contribution of Academician V.A. Koptuyug, a scientist, thinker and organizer of science, to the preservation of the scientific potential of Siberia. Despite the reduction in budget financing, Koptuyug managed to preserve the Siberian Branch as a system. He rightly believed that in many cases the basis for the preparation of state decisions was not fundamental knowledge, but ambition, voluntarism, and sometimes vested interests. Describing this situation as extremely dangerous, the academician and his associates proposed a strategy based on national interests and social priorities, taking into account the resource basis, spiritual and geopolitical features of our country. However, his recommendations, as well as the conclusions of many leading scientists, were ignored by successive governments. As a result, the situation in the scientific sphere of the country developed from crisis to catastrophe. However, the "growth areas" created in the years of the reforms in Siberia made it possible at the beginning of the new century not only to recover, but also to demonstrate the intensification of innovation activity.

REFERENCES

1. Bodrova, E.V. & Kalinov, V.V. (2016) *Gosudarstvennaya ekonomicheskaya politika Rossiyskoy Federatsii na rubezhe XX–XXI vv.: spornye problemy* [State Economic Policy of the Russian Federation at the Turn of the 21st Century: Controversial Issues]. Moscow: MAORI.
2. Bodrova, E.V. & Kalinov, V.V. (2017) *Tekhnologicheskoe otstavanie kak faktor raspada SSSR i vyzov dlya sovremennoy Rossii* [Technological Lag as a Factor in the Collapse of the USSR and a Challenge for Modern Russia]. Moscow: MAORI.
3. Kodin, M.I. (2002) *Teoretiko-metodologicheskie problemy sotsial'no-ekonomicheskikh i sotsial'no-politicheskikh preobrazovaniy v Rossii v kontse XX v. 1990–2000 gg.* [Theoretical and Methodological Problems of Socioeconomic and Sociopolitical Transformations in Russia at the End of the 20th Century. 1990–2000]. Moscow: Nauka.
4. Osipov, G.V. (1999) *Reformirovanie Rossii: itogi i perspektivy. Sotsial'naya traektoriya reformiruemoy Rossii* [Reform of Russia: Results and Prospects. Social Trajectory of Russia Under Reforms]. Novosibirsk: [s.n.].
5. Razuvaeva, N.N. (2006) *Evolutsiya politicheskogo i sotsial'nogo stroya postsovetskoy Rossii: 1990-e gody* [The Evolution of the Political and Social System of Post-Soviet Russia: The 1990s]. History Dr. Diss. Moscow.
6. Bodrova, E.V. (2018) Academy of Sciences in the Conditions of the Decay of the USSR. *Rossiyskiy tekhnologicheskii zhurnal – Russian Technological Journal*. 6 (5). pp. 55–76. (In Russian). DOI: 10.32362/2500-316X-2018-6-5-55-76
7. Koptuyug, V.A. (1989) Byt' li Rossiyskoy Akademii nauk [Will the Russian Academy of Sciences Exist?]. *Nauka v Sibiri*. 22 September. pp. 2–3.
8. Koptuyug, V.A. (1990) Nauka kompromissa [The Science of Compromise]. *Nauka v Sibiri*. 4. pp. 2–3.
9. *Vedomosti Verkhovnogo soveta RSFSR*. (1990) Ukaz Prezidiuma Verkhovnogo Soveta RSFSR of 24.01.1990 "Ob uchrezhdenii Akademii nauk Rossiyskoy Federatsii [Decree of the Presidium of the Supreme Council of the RSFSR of 24 January 1990 "On the Establishment of the Academy of Sciences of the Russian Federation"]. 6. Art. 169.
10. Sssr.regnews.org. (2018) *Decree of the Council of Ministers of the RSFSR No. 88 of 13 March 1990 "On the Establishment of the Academy of Sciences of the RSFSR"*. [Online] Available from: <http://sssr.regnews.org/doc/vq/fw.htm>. (Accessed: 17.10.2018). (In Russian).
11. Koptuyug, V.A. (1991) S nulevogo tsikla [From the Zero Cycle]. *Nauka v Sibiri*. 2. pp. 4–5.
12. Il'ina, I.N. (2017) Diskussiya o sud'be Akademii nauk v stenogramakh zasedaniy ee prezidiuma 1980–1990-kh gg. [Discussion on the Fate of the Academy of Sciences in the Transcripts of the Meetings of Its Presidium in the 1980s–1990s]. *Otechestvennyye arkhivy*. 6. pp. 40–48.
13. Archive of the Russian Academy of Sciences (ARAN). Fund 2. List 1. File 1686. (In Russian).
14. Archive of the Russian Academy of Sciences (ARAN). Fund 2. List 1. File 1687. (In Russian).
15. Archive of the Russian Academy of Sciences (ARAN). Fund 2. List 1. File 1688. (In Russian).
16. *Vestnik AN SSSR*. (1992) Rezolyutsiya Obshchego sobraniya Akademii nauk SSSR 9–10.11.1991 g. "O statuse i zadachakh Akademii nauk SSSR v sovremennykh usloviyakh" [Resolution of the General Meeting of the USSR Academy of Sciences on November 9–10, 1991, "On the Status and Tasks of the USSR Academy of Sciences in Modern Conditions"]. 1. pp. 121–124.
17. Legalacts.ru. (2018) *Decree of the President of the RSFSR No. 228 of 21 November 1991 "On the Establishment of the Russian Academy of Sciences"*. [Online] Available from: <http://legalacts.ru/doc/ukaz-prezidenta-rsfsr-ot-21111991-n-228/>. (Accessed: 19.11.2018). (In Russian).
18. Marchuk, G.I. (1992) Proshchal'noe slovo prezidenta [The Farewell Word of the President]. *Vestnik AN SSSR*. 1. pp. 129–235.
19. Saltykov, B. (1997) Pozhertvovat' chast'yu, chtoby spasti sistemu [Sacrificing a Part for Saving the System]. *Nezavisimaya gazeta. NG-nauka*. 2. 1 October.
20. Archive of the Russian Academy of Sciences (ARAN). Fund 2. List 31. File 244. (In Russian).
21. Koptuyug, V.A. (1997a) *Nauka spaset chelovechestvo* [Science Will Save the Humankind]. Novosibirsk: Izd-vo SO RAN NITs OIGGM. pp. 79–87.
22. Nakoryakov, V.E. (2001) "Na nerve stradaniya" ["On the Nerve of Suffering"]. *Sibirskie ogni*. 4. [Online] Available from: <http://www.vp-iclub.narod.ru/memo/koptuyug/nakoriakov.htm>. (Accessed: 28.10.2017).
23. Koptuyug, V.A. (1996) Nauka na perelome [Science at the Turning Point]. *Sovetskaya Sibir'*. 20 December.
24. Zhavoronkov, A.V. (1995) Sdvigi v massovom soznanii [Shifts in the Mass Consciousness]. In: *Rezyume nauchnykh otchetov po issledovatel'skim proektam, vypolnennym v ramkakh obshcheinstitutskoy programmy "Alternativy sotsial'nykh preobrazovaniy v rossiyskom obshchestve v 1991–1994 gg."* [Summaries of Reports on Research Projects Carried out as Part of the Institute's Program "Alternatives to Social Transformations in Russian Society in 1991–1994"]. Moscow: Institute of Sociology, RAS.
25. Gorshkov, M.K. (2003) *Rossiyskoe obshchestvo v usloviyakh transformatsii: mify i real'nost' (sotsiologicheskii analiz). 1992–2002 gg.* [Russian Society Under Transformation Conditions: Myths and Reality (A Sociological Analysis). 1992–2002]. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya.
26. Levashov, V.K. (2008) Intel'ktual'nyy potentsial obshchestva: sotsiologicheskoe izmerenie i prognozirovaniye [The Intellectual Potential of Society: The Sociological Dimension and Forecasting]. *Sotsis – Sociological Studies*. 12. pp. 34–35.

27. Bodrova, E.V. et al (2014) *Gosudarstvennaya nauchno-tehnicheskaya politika v modernizatsionnoy strategii Rossii* [State Scientific and Technical Policy in the Modernization Strategy of Russia]. Moscow: Moscow State University.
28. Makeeva, I.V. (2008) *Gosudarstvennaya podderzhka innovatsionnogo razvitiya territoriy s vysokoy kontsentratsiey nauchno-tehnicheskogo potentsiala* [State Support for the Innovative Development of Territories With a High Concentration of Scientific and Technological Potential]. Economics Cand. Diss. Moscow.
29. Koptyug, V.A. (1997b) *Nauka spaset chelovechestvo* [Science Will Save the Humankind]. Novosibirsk: Izd-vo SO RAN NITs OIGGM. pp. 333–338.
30. *Vestnik RAN*. (1997) Pis'mo Prezidentu Rossiyskoy akademii nauk Yu.S. Osipovu [Letter to President of the Russian Academy of Sciences Yu.S. Osipov]. 67 (3). p. 233.
31. Archive of the Russian Academy of Sciences (ARAN). Fund 2. List 31. File 227. (In Russian).
32. Archive of the Russian Academy of Sciences (ARAN). Fund 2. List 31. File 242. (In Russian).
33. Bychkova, I. (1998) Interv'yu, kotoroe ne sostoyalos' [An Interview That Never Took Place]. *Nauka v Sibiri*. 1–2. pp. 3.
34. Koptyug, V.A. (1997c) *Nauka spaset chelovechestvo* [Science Will Save the Humankind]. Novosibirsk: Izd-vo SO RAN NITs OIGGM. pp. 253–260.
35. Archive of the Russian Academy of Sciences (ARAN). Fund 2. List 31. File 286. (In Russian).
36. Archive of the Russian Academy of Sciences (ARAN). Fund 2. List 31. File 339. (In Russian).
37. Archive of the Russian Academy of Sciences (ARAN). Fund 2. List 31. File 343. (In Russian).
38. Archive of the Russian Academy of Sciences (ARAN). Fund 2. List 31. File 340. (In Russian).
39. Archive of the Russian Academy of Sciences (ARAN). Fund 2. List 31. File 483. Page 81. (In Russian).
40. Osipov, Yu.S. (1999) Osnovnye dostizheniya RAN v 1998 godu [Main Achievements of the RAS in 1998]. *Vestnik RAN*. 69 (8). pp. 683–705.
41. Archive of the Russian Academy of Sciences (ARAN). Fund 2. List 31. File 385. (In Russian).
42. Pil'shchikova, I.Yu. (2010) *Institutsional'nye riski i ugrozy realizatsii gosudarstvennoy innovatsionnoy politiki* [Institutional Risks and Threats to the Implementation of State Innovation Policy]. Political Science Cand. Diss. Rostov-on-Don.
43. Archive of the Russian Academy of Sciences (ARAN). Fund 2. List 31. File 387. (In Russian).
44. Bendikov, M.A. (2000) *Nekotorye napravleniya povysheniya effektivnosti rossiyskikh vysokikh tekhnologiy* [Some Directions of Increasing the Efficiency of Russian High Technologies]. [Online] Available from: <http://www.cfin.ru/press/management/2000-5/01.shtml>. (Accessed: 24.04.2017).
45. Kutepova, N.I. (2009) Sotsial'naya politika v sfere NIOKR [Social Policy in the Field of R&D]. In: *Nauchnoe, ekspertno-analiticheskoe i informatsionnoe obespechenie natsional'nogo strategicheskogo proektirovaniya, innovatsionnogo i tekhnologicheskogo razvitiya Rossii* [Scientific, Expert-Analytical and Informational Support of the National Strategic Design, Innovative and Technological Development of Russia]. Pt. 1. M: Institute of Scientific Information for Social Sciences, RAS. pp. 110–114.
46. *Nezavisimaya gazeta*. (1998) 28 March.

Received: 21 February 2019